

167. Глиняный Иванушка.

Жили-были старикъ со старухой. Не было у нихъ дѣтокъ; они взяли да и слѣпили себѣ глинянаго Иванушку. Сидѣла однажды старуха въ избѣ да пряла. И уронила она въ подполье клубочекъ да веретенце. Побѣжалъ за ними Иванушка, взялъ клубочекъ съ веретенцемъ да и сѣлъ. Пришелъ онъ наверхъ въ избу да и говоритъ: „баушка, баушка, я клубочекъ-отъ съ веретенцемъ сѣлъ да и тебя съ копылкомъ сѣмъ“. Сѣлъ онъ бабушку съ копылкомъ и пошелъ на улицу, а навстрѣчу ему дѣдушка съ топоркомъ. Иванушка и кричитъ ему: „дѣдушка, дѣдушка, я сѣлъ бабушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце да и тебя съ топоркомъ сѣмъ!“ Взялъ и сѣлъ старика съ топоркомъ. Побѣжалъ Иванушка дальше, а навстрѣчу ему идетъ Катька съ ведрами.—„Я сѣлъ дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце и тебя, Катька, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка Катьку, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ бабы съ граблями. Иванушка и закричалъ имъ: „бабы, бабы, я сѣлъ дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочикъ да веретенце, Катьку съ ведрами и васъ, бабы, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка бабъ съ граблями, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идутъ мужики съ косами.—„Мужики, мужики“, закричалъ имъ Иванушка, „я сѣлъ бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, баушку съ копылкомъ, дѣдушку съ топоркомъ, клубочикъ да веретенце и васъ, мужики, сѣмъ!“ Сѣлъ Иванушка мужиковъ, а самъ побѣжалъ дальше. Бѣжитъ, а навстрѣчу ему идетъ козелъ. И закричалъ ему Иванушка: „козелъ, козелъ, я сѣлъ мужиковъ съ косами, бабъ съ граблями, Катьку съ ведрами, дѣдушку съ топоркомъ, баушку съ копылкомъ, клубочекъ да веретенце и тебя, козелъ, сѣмъ!“ „Зачѣмъ тебѣ ѣсть меня, Иванушка“, сказалъ козелъ.—„Ставай-ко ты подъ гору, а я стану на гору: побѣгу я съ горы да прямо въ ротъ тебѣ и скочу“. Раскрылъ Иванушка ротъ и сталъ подъ гору, а козелъ разбѣжался съ горы да и ударилъ Иванушку рогами прямо въ брюхо: рассыпался

Иванушка въ мелкіе кусочки, а изъ брюха у него вышли мужики съ косами, бабы съ граблями, Катька съ ведрами, дѣдушка съ топоркомъ и баушка съ копылкомъ, — вышли всѣ живы-живехоньки.

Пошехонскій у. 1899 г.

168. „Вотъ клубокъ!“.

Жили-были мужикъ да баба: мужъ съ женой. Мужъ былъ мужикъ степенной, работащій, жена—баба разгульная, лѣнивая: ни щей сварить, ни рубахи сшить: все бы ей по гостямъ ходить.

Крѣпко училъ её мужъ — ничего не помогаетъ. И захотѣлось ему узнать, что его жена, лѣнтяйка, будетъ дѣлать, какъ онъ помретъ. Сдумано—сдѣлано. Притворился мужъ больнымъ: лежить да охаетъ, умирать собирается. Подозвалъ онъ къ себѣ бабу свою да и сталъ её корить: вотъ, де-скалъ, мужъ умираетъ, а она и на саванъ новины ему не припасла. Задѣло за живое бабу, стала она передъ мужемъ вывертываться: нарядено-то де у нея много, да еще не соткано. Вынесетъ изъ-за перегородки клубокъ пряжи, покажетъ мужу: „вотъ клубокъ“, сходитъ опять за перегородку, вынесетъ опять тотъ же клубокъ и опять покажетъ мужу. Показала она такъ одинъ клубокъ разъ тридцать. А и всей то пряжи у нея было, что только одинъ этотъ клубокъ. Замѣтилъ мужикъ бабью хитрость и захотѣлось ему узнать, что будетъ дѣлать баба, какъ онъ и впрямь умретъ. Похворалъ мужикъ денька два-три, а тамъ притворился и мертвымъ.

Запричитала баба по мужѣ, причитаешь, а сама думаетъ, какъ ей будетъ снаряжать покойника: въ домѣ ни куска нѣтъ новины, у сосѣдей просить стыдно. Пометалась баба по избѣ, какъ угорѣлая, схватила свой клубокъ нитокъ да и давай обматывать своего муженька и вдоль и поперекъ. Обмотала его нитками, сѣла и стала причитать: „голубчикъ мой, родненькій, на кого то ты теперь похожъ“. Не вытерпѣлъ мужъ, вскочилъ съ постели да и заоралъ: „на безструнную балалайку“. Крѣпко поучилъ онъ тутъ свою бабу, а только врядъ-ли выучилъ.

Пошехонскій у. 1889 г.